

«СОЮЗ ПАМЯТИ» КАК ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И НОРВЕГИИ: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, КРИЗИС

Нечаева Полина Васильевна

младший научный сотрудник,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России
po.v.nechaeva@my.mgimo.ru

'MEMORY ALLIANCE' AS A PRACTICE OF POLITICAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND NORWAY: ORIGINS, FORMATION, CRISIS

P. Nechaeva

Summary: The article applies the 'memory alliance' concept to Russian–Norwegian political discourse in the 1990s – the 2020s. It traces the alliance's historical roots and identifies the key narratives that shaped it. Although political circumstances prevented the emergence of such an alliance between the Soviet Union and Norway, the efforts by USSR to establish and maintain memory sites commemorating the Soviet contribution to the liberation of Eastern Finnmark laid the groundwork for future cooperation. From the late 1990s onward, Russia and Norway actively built a memory alliance through numerous joint projects in memory politics at both state and local levels. The author argues that two factors made this alliance possible: the liberalisation of historical scholarship in Norway and the dominance of a humanistic grand narrative in the country's memory regime, which revived local academic and interest-group attention in Northern Norway to the history of Soviet prisoners of war. While signs of strain appeared as early as 2014, the alliance only truly unraveled after 2022, when Norway suspended all joint memory-site projects and the radically altered political discourse called the very basis of the alliance into question.

Keywords: memory alliance, Russian–Norwegian relations, memory diplomacy, memory politics, World War II.

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме теоретического применения концепции «союза памяти» к описанию динамики взаимодействия России и Норвегии в пространстве политического дискурса в 1990-е – 2020-е гг. В статье предпринимается попытка проследить исторические предпосылки формирования союза, а также отразить основные нарративы, лежавшие в его основе. Автор показывает, что по политическим причинам «союз памяти» не мог быть сформирован между СССР и Норвегией, однако деятельность советской стороны по созданию и поддержанию целого ряда мест памяти, отражающих вклад советских граждан в освобождение Восточного Финнмарка, заложила основу для дальнейшего сотрудничества. Активное формирование «союза памяти» между Россией и Норвегией началось с конца 1990-х гг., что нашло выражение в проведении целого ряда совместных проектов в области политики памяти как на государственном, так и на местном уровне. Автор приходит к выводу, что становление «союза памяти» стало возможным благодаря общему тренду на либерализацию исторических исследований в Норвегии, а также господству в режиме памяти страны гуманистического гранд-нарратива, что возродило интерес к судьбе советских военнопленных со стороны локальных северонорвежских академических сообществ и групп интересов. Несмотря на проявление кризисных тенденций в развитии «союза памяти» с 2014 г., о реальном его распаде можно говорить только после 2022 г., когда по норвежской инициативе были заморожены все совместные проекты в области развития мест памяти, а сама основа союза была поставлена под сомнение из-за кардинальных изменений в политическом дискурсе Норвегии.

Ключевые слова: союз памяти, российско-норвежские отношения, дипломатия памяти, политика памяти, Вторая мировая война.

Начиная 1990-х гг. в международных отношениях наблюдается все более активное использование истории Второй мировой войны в политических целях, особенно в контексте осмысления бывшими европейскими социалистическими странами и советскими республиками своей новой национальной и наднациональной (общеевропейской) идентичности. Сложившийся в Европейских сообществах во второй половине XX в. наднациональный нарратив о холокосте, подразумевающий принятие всеми странами ЕЭС/ЕС ответственности за истребление еврейского населения в годы войны [1, с. 116–117], уже в конце 1990-х гг., на фоне подготовки к принятию новых постсоциалистических членов в Евросоюз, стал утрачивать доминирующую роль в пространстве общеевропейского режима памяти. Связа-

но это было с тем, что готовившиеся к вступлению в организацию государства Восточной Европы и Прибалтики активно продвигали т.н. «виктимный» нарратив, позиционируя себя жертвами «коммунистического режима» [2, с. 112]. Очень скоро поэтому в пространство европейской памяти вошел напрямую связанный с виктимизацией посткоммунистических стран нарратив о «двух тоталитаризмах», возлагающий вину за «развязывание» Второй Мировой войны в равной степени и на нацистскую Германию, и на Советский Союз, что отразилось, в частности, в принятии Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ в 2009 г. [3].

Сегодня нарратив о «двух тоталитаризмах» уже прочно закрепился в режиме европейской наднациональной

памяти. Тенденция умалять заслуги СССР в победе над нацизмом распространилась далеко за пределы Европы – практически на все страны Запада. В этом смысле показательно заявление президента США Д. Трампа о том, что Соединенные Штаты – «единственные, кто выиграл войну» [4]. Наряду с этим, в России нарратив о решающей роли СССР в победе над нацистской Германией подвергся секьюритиза, т.е. любое политическое посягательство на эту идеологию воспринимается как угроза государственной стабильности и безопасности, о чем свидетельствуют, например, положения Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. Так, одним из приоритетов внешней политики значится противодействие фальсификации истории и сохранение «общепризнанных итогов войны» на международном уровне [5].

Как для России, так и для Европы нарратив о войне носит экзистенциальный характер, поскольку он прочно укоренен в процессе формирования их идентичности, что создает основу для возникновения т.н. «войн памяти» в пространстве политического дискурса [6, с. 224]. «Война памяти» представляет собой ожесточенное противостояние мнемонических акторов на международной арене с целью утвердить собственный нарратив и распространить его на дискурсивное пространство других государств. Феномен «войны памяти» лежит, в первую очередь, в плоскости международных отношений, поэтому субъектами этой войны, как правило, выступают государства и аффилированные с ними агенты памяти.

В условиях войны порой возникает необходимость выстраивания союзов. При этом, исходя из понимания феномена «войны памяти», можно говорить о том, что количество подобных «союзников» определяет исход разворачивающегося противостояния. В то же время, учитывая межгосударственный характер «войны памяти», «союз памяти» также формируется на межгосударственном уровне, поэтому успех его создания напрямую зависит от результативности дипломатических усилий, в научном дискурсе обозначаемых как «дипломатия памяти». Таким образом, «союз памяти» автор предлагает определять как политический союз в пространстве исторической памяти, характеризующийся готовностью двух или более государственных или негосударственных агентов памяти поддерживать и распространять общий нарратив относительно избранного исторического события в рамках частично или полностью совпадающих исторических дискурсов.

Концепция «союза памяти» оформилась в науке не так давно и разрабатывалась с начала 2020-х гг. практически исключительно на примере российско-сербских отношений [7]. И если в иностранных публикациях оформилось терминологическое единство – *«memory*

alliance» – то в отечественных публикациях предлагаются различные терминологические варианты описания схожих феноменов без должного внимания к смысловому наполнению предлагаемых терминов. Так, можно встретить калькированный с английского вариант «альянс памяти» [8], а также «мнемонический союз» [9]. Оба этих термина применяются исследователями для описания российско-сербского политического дискурса. Современный этап исследований памяти в России характеризует отсутствие единого терминологического аппарата и его слабая разработанность, хотя в последнее время наблюдаются попытки разработать единую теоретико-методологическую базу [10]. Автор настоящей статьи предлагает компромиссный термин «союз памяти», позволяющий отойти от прямого калькирования с иностранного языка и сохранить логическую преемственность с уже устоявшимся в научном дискурсе термином «война памяти».

В Норвегии, которая формально встроена в общеевропейский «холокостоцентричный» режим памяти, по ряду причин нарратив о «двух тоталитаризмах» до сих пор не укоренился окончательно. В первую очередь страна не являлась частью социалистического блока, и, следовательно, в ней не был сконструирован нарратив о «коммунистическом угнетении». Кроме того, реальный исторический опыт участия Норвегии во Второй мировой войне показал, что Советский Союз оказался единственным государством, которое предприняло непосредственные действия по ее освобождению от немецкой оккупации. Более того, СССР оперативно вывел свои войска по окончании войны, ни оставив возможности в будущем интерпретировать свои действия в негативном ключе и сконструировать нарратив о «коммунистической оккупации». В условиях продолжающихся «войн памяти» в Европе, наличие государства, в котором схожим или непротиворечащим образом концептуализируются нарративы о Второй мировой войне, открыло для России возможность формирования «союза памяти», основанного на сотрудничестве в укреплении и распространении общего российско-норвежского нарратива.

Проблема динамики развития «союза памяти» России и Норвегии в отечественной научной литературе практически не исследована. Отдельные ее аспекты, например место России в норвежской политике памяти по состоянию на 2022 г., раскрываются в статье Н.Е. Белухина [11] и в исследовании С.А. Рябова [12], которое посвящено экспертному сотрудничеству стран по вопросам сохранения культурного наследия. Публикации норвежских исследователей в отдельных аспектах рассматриваемой автором проблемы более содержательны: Вторая мировая война в норвежской политике памяти отражена в работах по дипломатии памяти Й.А. Маркуссена [13] и К.И. Мюклебуст [14], а также М.Н. Солейм [15], специализирующейся на памяти о советских военнослужащих и

военнопленных. К.И. Мюклебу, в частности, ввела термин «союз памяти» (норв. *minneallianse*) в норвежский научный дискурс [14].

«Союз памяти» СССР и Норвегии как явление не мог быть сконструирован в период холодной войны: политическое противодействие держав, находящихся по разные стороны баррикад, значительно осложняло дипломатию памяти. В первые послевоенные годы в Норвегии создаются предпосылки для конфликта региональных (северонорвежских) и государственных агентов памяти. Целью правительства была легитимация вступления страны в НАТО, что не могло сочетаться с позитивным образом Советского Союза среди норвежского населения. Именно поэтому историческая политика Осло была направлена на противодействие укоренению нарратива о «советских воинах-освободителях» в пространстве исторической памяти. Яркой иллюстрацией конфликта агентов памяти (или даже «гражданской войны памяти») стала т.н. «Кладбищенская война» (норв. *Kirkegårdskrigen*) в г. Му-и-Рана: тогда местное население выступило против реализации тайной государственной операции «Асфальт» (1951 г.) по переносу захоронений советских военнослужащих и пленных на братское кладбище на о. Хьетта, после чего правительство было вынуждено прекратить операцию [15, с. 123]. Операция «Асфальт» оказалась крайне эффективной в вопросе достижения основных целей норвежского правительства, т.к. сотни захоронений оказались уничтожены, а нарративы об освобождавших Восточный Финнмарк советских военнослужащих и жертвах норвежских концлагерей были намерено вытеснены из общего мнемонического пространства Норвегии до начала 1990-х гг. [16, р. 17–18.].

Тем не менее дипломатическая деятельность Советского Союза в вопросе создания и поддержания мест памяти о советских жертвах Второй Мировой войны в Норвегии позволила сохранить основу для дальнейшего формирования союза памяти в 1990-е и 2000-е гг. Созданные в тот период мемориалы (например, монумент «Норвегия благодарит Вас» 1947 г. или памятник освобождению в Киркенесе 1952 г.) и сложившиеся коммеморативные традиции (совместное празднование освобождения Северной Норвегии в Киркенесе, поминание захороненных на о. Хьетта и др.) позволили сохранить нарративы о советских военнослужащих и жертвах концлагерей пусть не в общенорвежском, но в северонорвежском режиме памяти.

Распад СССР стал отправной точкой для целого ряда трансформаций в норвежской политике памяти. Россия более не воспринималась как «коммунистическая угроза с Востока», а в академической среде Норвегии наблюдалась значительная либерализация исследований памяти, что происходило на фоне установления гуманистического гранд-нарратива в мнемоническом

пространстве страны под влиянием негосударственных мнемонических акторов академических сообществ и групп интересов. В этих условиях особое внимание было направлено на создание мест памяти жертв концентрационных лагерей. Именно усилиями экспертных сообществ были созданы музеи на месте лагерей Грини, Берг и Фальстад, а также запущена деятельность по идентификации военнопленных и облагораживанию их захоронений. Если в начале 1990-х гг. проекты в этой области только запускались, то уже к концу века стали заметны их первые результаты: так, в 1997 г. в восстановленных бараках лагеря Грини был открыт первый музейный комплекс подобного рода. Музей истории Фальстада и его узников открылся на месте бывшего концлагеря в 2006 г., однако исследовательская работа велась еще с конца 1980-х гг., а отдельные места памяти (например, стела в благодарность жителям деревни Экне, которые, «рискуя жизнью, передавали продуктовые наборы» узникам лагеря [17]) появились в 1990-е гг. в результате активной деятельности групп интересов. В 2008 г. начала работу инициативная группа, которая уже в 2012 г. добилась открытия музейного центра на месте бывшего концлагеря Берг [18]. Помимо создания достаточно крупных музейных комплексов, силами негосударственных агентов памяти восстанавливались памятники, собирались архивы и экспонаты для небольших местных музеев: в 2003 г. локальными агентами памяти (местным историческим кружком и музеем) велась работа по восстановлению памятника советским военнопленным в населенном пункте Хьертосен рядом с г. Му-и-Рана [19].

Однако распространение и укрепление нарративов о жертвах концлагерей лишь косвенно способствовало появлению «союза памяти» России и Норвегии, поскольку позволяло не делать акцент на национальной принадлежности погибших. Тем не менее подобные проекты позволили России активно включиться в сотрудничество с локальными агентами памяти Норвегии. В 2009 г. был запущен исследовательский проект *War Graves Seek Names*, в рамках которого экспертному сообществу Фальстад-центра и Центра по правам человека Норвегии в тесном взаимодействии с норвежской государственной Службой воинских захоронений и российским МИД (который обеспечивал передачу копий архивных документов) удалось идентифицировать захоронения более 4 тыс. советских военнопленных в Норвегии [16, р. 17]. Результатом проекта стало создание в 2013 г. электронной базы данных, в которой содержится информация о 351 захоронении граждан СССР [20].

Заметно, что поскольку нарратив о советских «освободителях» не вписывался в гуманистический гранд-нарратив, норвежские агенты памяти довольно быстро стали терять к нему интерес, хотя и СССР, и Россия были в первую очередь заинтересованы в его укреплении. Российские агенты памяти в уже с 1990-х гг. стали актив-

но развивать дипломатию памяти и стремились создать «союз памяти» с Норвегией. Посольство и консульства РФ в Норвегии ежегодно принимали участие в коммеморации годовщин освобождения страны, однако наиболее эффективными мнемоническими акторами в вопросе создания новых мест памяти (в т.ч. и нового нарратива) в период 1990-х–2010-х гг. выступали ФСБ России и аффилированные с ней структуры.

Основой для реального «союза памяти» стал в прямом смысле союзнический нарратив, ранее советской и российской стороной не продвигавшийся, – нарратив об общей борьбе советских солдат и норвежских партизан с нацизмом. Впервые подобная идеология была отражена в памятном знаке, установленном в 1997 г. в небольшом населенном пункте Киберг в честь советских и норвежских разведчиков, погибших на территории Норвегии в годы войны. С инициативой создания этого места памяти выступило Управление ФСБ России по Мурманской области [21]. Кроме того, большое внимание привлекали инициативы мурманской региональной общественной организации ветеранов боевых действий «Щит», которая проводила своего рода «туры коммеморации» с целью почтить память о совместной борьбе с нацизмом. Туристические поездки по территории России и Норвегии проводились в 2011–2019 гг., а в 2020 г. и 2021 г. локальные российские и норвежские агенты памяти провели подобные мероприятия по обе стороны границы, уже не пересекая ее [14, с. 130–155]. РОО «Щит» была также задействована в организации деятельности российско-норвежской исследовательской группы по изучению действий норвежских партизанских формирований [22]. Необходимо при этом указать на, по-видимому, тесную аффиляцию РОО «Щит» с ФСБ России: организация возглавляется генерал-майором ФСБ в отставке Г. Гурылевым и официально сотрудничает с Общественным советом ведомства [21].

Таким образом, за 1990-е и 2000-е гг. сформировался «союз памяти» России и Норвегии, который характеризовался сотрудничеством разноуровневых (государственных и локальных) агентов памяти по вопросам создания, укрепления и распространения общих нарративов. Однако с началом украинского кризиса этот союз оказался под угрозой: Норвегия, выступив с резкой критикой воссоединения Крыма с Россией, стала сокращать масштаб взаимодействия и с большой настороженностью относится ко многим российским проектам в области политики памяти. Показательным стало принятое в 2015 г. норвежским Министерством обороны и Министерством внутренних дел решение отклонить инициативу России о поднятии советского самолета, сбитого в годы войны над Тана-фьордом, что вызвало критику со стороны жителей Восточного Финнмарка [23, с. 67]. Такая активная позиция населения Северной Норвегии свидетельствовала о сохранении «союза памяти» в дискурсив-

ном пространстве страны несмотря на кризис в межгосударственных отношениях. Кроме того, мемориальное сотрудничество России и Норвегии в период 2014–2021 г. не было остановлено полностью, поскольку служило залогом сохранения точек соприкосновения даже в условиях политического кризиса. В частности, в 2021 г. был реализован межгосударственный проект по открытию на о. Серёйя памятника советским летчикам, погибшим в 1944 г. при крушении самолета «Каталина» [24].

В феврале 2022 г. с началом специальной военной операции России на Украине российско-норвежский «союз памяти» фактически распался, индикатором чего стала полная заморозка всех двухсторонних проектов в области политики памяти по инициативе Норвегии. Официальное Осло стало активно внедрять новый нарратив, разрушающий саму основу существования союза. Речь идет про «нарратив-сравнение» действий России с агрессивными действиями нацистской Германии в годы Второй мировой войны, впервые обозначенный премьер-министром страны Йонасом Гаром Стёре в выступлении перед Стортингом от 3 марта 2022 г., где действия России были охарактеризованы как «жестокое вторжение», которое Европа «не видела со времен Второй мировой войны» [25]. Нарратив продемонстрировал широкую воспроизводимость в политическом дискурсе Норвегии и, по всей видимости, в нем закрепился. Такая идеология в некотором смысле подрывает идею преемственности России и СССР, что делает «союз памяти» безосновательным. Кроме того, в 2022 г. в коммуне Лунгдал при активном участии некоммерческой украинской организации *Support to the people of Ukraine* в Норвегии был открыт «первый украинский памятник», посвященный «вкладу украинцев в освобождение страны» [26]. Хотя символическая ценность этого памятника довольно низкая, и иных подобных инициатив до сих пор реализовано не было, сам факт попытки отдельно превознести вклад украинцев в освобождение говорит о стремлении коренным образом поменять устоявшийся режим памяти. Норвегия также стала высказывать опасения относительно того, что российское участие в мероприятиях, организованных в память о павших при освобождении страны военнослужащих, носит пропагандистский характер, и в 2023 г. норвежские власти официально попросили Россию воздержаться от участия в церемониях коммеморации по случаю освобождения Восточного Финнмарка [27], что, однако, не носило характера строгого запрета.

Таким образом, на сегодняшний день «союз памяти» можно считать окончательно разрушенным. Дипломатия памяти СССР не могла обеспечить возникновение такого союза в период холодной войны, в т.ч. из-за активного противодействия норвежского правительства, однако заложила основу для его строительства в 1990-е–2000-е гг. Заметно, что инициатива создания

новых российско-норвежских мест памяти исходила в первую очередь от локальных северонорвежских экспертных сообществ и групп интересов и была продиктована господством в стране гуманистического гранд-нарратива. Локальные агенты памяти в Норвегии подключили к сотрудничеству государственные структуры страны и вывели совместную политику памяти на межгосударственный уровень. О «союзе памяти» России и Норвегии можно говорить с появлением первого действительно «союзнического» нарратива о совместной борьбе с нацизмом в годы Второй Мировой войны, однако основное место в режиме памяти обеих стран такой

нарратив занять не успел в силу обозначившихся кризисных тенденций в двусторонних отношениях. Кризис союза памяти в период 2014–2021 гг. характеризовался большей избирательностью норвежского правительства относительно реализации совместных проектов, однако также продемонстрировал значительную поддержку российских инициатив со стороны местного населения Северной Норвегии. Значительный интерес представляет исследование сохранившихся точек соприкосновения режимов памяти России и Норвегии с целью анализа перспектив восстановления «союза памяти» в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза. // Методологические вопросы изучения политики памяти. / Сб. научн. тр. Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М. — СПб.: Нестор-История, 2018. С. 110–126.
2. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе. // Политика №1 (80), М.: 2016. С. 111–121.
3. Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ 29 июня — 3 июля 2009 г. С. 53–54. URL: <https://www.oscepa.org/en/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file> (дата обращения: 29.07.2026).
4. Трамп заявил, что США единственные, кто победил во Второй мировой войне. РБК 10.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfrenews/684747699a79475aa7a90156> (дата обращения: 29.07.2026).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 29.07.2026).
6. Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти». // Новое прошлое №4, 2020. С. 222–231.
7. McGlynn J., Đureinović J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. // Memory Studies, 16(2). 2022. P. 227–242.
8. Энтина Е.Г., Степанов Н. «Альянс памяти» о событиях 1999 г. в контексте современных российско-сербских отношений. // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 151–166.
9. Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного. // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. 15(1). С. 93–132.
10. Методологические вопросы изучения политики памяти. / Сб. научн. тр. Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М. — СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
11. Белухин Н.Е. Россия в норвежской политике памяти. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossiya-v-porvezhskoju-politike-pamyati/> (дата обращения: 29.07.2026).
12. Рябов С.А. Международное сотрудничество Института наследия с учреждения Норвегии в сфере изучения и сохранения культурного и природного наследия: история и сегодняшний день. // Журнал института наследия №3 (14), 2018.
13. Markussen J.A. Sikkerhetspolitisk minnediplomati: Opprettelsen av Frigjøringsmonumentet i Kirkenes 1945–1952. // Nordisk Østforum №35, 2021. S. 98–115.
14. Myklebost K.A. Minnediplomati i grenseland. De russisk-norske patriotiske minneturene 2011–2019. // Nordisk Østforum Nordisk Østforum №37, 2023. S. 130–155.
15. Soleim M.N. «Operasjon asfalt». Kald krig om krigsgraver. Stamsund: Orkana Akademisk, 2016. 248 s.
16. Soleim M.N. Graves of the «Other»: Norway and the commemoration of soviet prisoners of war. // Heritage, Memory, and Conflict Journal №3, 2023. P. 15–18.
17. Kunst på Falstad. Falstadsenteret. URL: <https://falstadsenteret.no/opplev-falstad/kunst-pa-falstad> (tilgang: 29.07.2026).
18. Interesseguppen. Berg interneringsleir. URL: https://www.berginterneringsleir.no/?page_id=41 (tilgang: 29.07.2026).
19. Перминов А.Д. Память жива. // Русский бульвар №6, 2004. URL: <https://arcticwar.narfu.ru/allcategories-ru-ru/2-pages-ru/179-perminov-a-d-pamyat-zhiva> (дата обращения: 29.07.2026).
20. Utenlandske krigsgraver i Norge. URL: <https://www.krigsgraver.no> (tilgang: 29.07.2026).
21. Доценко М. Марш памяти. Патриотическое воспитание. ОС ФСБ 21.04.2017. URL: <https://www.osfsb.ru/materialy/patrioticheskoe-vospitanie/marsh-pamyati/> (дата обращения: 29.07.2026).
22. Ветераны ФСБ Заполярья увековечили память советских воинов и партизан Норвегии в обелисках. ТАСС 20.03.2017. URL: <https://tass.ru/v-strane/4110086> (дата обращения: 29.07.2026).
23. Markussen J.A. Monumental minnepolitikk: Russlands bruk av sovjetiske og russiske krigsminnesmerker i Nord-Norge 2014–2023. // Nordisk Østforum №38, 2024. S. 60–82.
24. На севере Норвегии открыли памятник погибшим в 1944 году советским летчикам. РИА Новости 11.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211011/pamyatnik-1754084854.html> (дата обращения: 29.07.2026).
25. Statsministerens redegjørelse for Stortinget om krigen i Ukraina. Regjeringen 03.03.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/statsministerens->

- redegjøreelse-for-stortinget-om-krigen-i-ukraina/id2902946/ (tilgang: 29.07.2026).
26. Det første ukrainske minnesmerke i Norge. Support to the people of Ukraine 21.05.2022. URL: <https://s2pu.com/index.php/en/news/pa-norsk/207-det-forste-ukrainske-minnesmerke> (tilgang: 29.07.2026).
27. Russiske myndigheter uønsket på frigjøringsdagen. NRK 25.10.2023. URL: <https://www.nrk.no/tromsogfinnmark/onsker-ikke-russiske-myndigheter-pa-frigjoringsdagen-i-kirkenes-1.16601843> (tilgang: 29.07.2026).

© Нечаева Полина Васильевна (po.v.nechaeva@my.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»